

НАШ КРАЙ

ВЫПУСК II

ЭТНОГРАФИЯ

В. А. Оборин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Для рассмотрения вопроса о происхождении коми-пермяков интересно, хотя бы кратко, остановиться на основных этапах заселения территории, на которой жили их предки — племена родановской культуры.

К сожалению, самые древние памятники на этой территории пока неизвестны. Однако соседние территории Прикамья были заселены человеком еще в раннем палеолите, в эпоху мустье — около 75 тысяч лет назад (стоянка Пещерный лог на реке Чусовой). В позднем палеолите человек расселился не только по всей Каме (стоянка имени М. В. Талицкого на р. Чусовой и Демидковское местонахождение у Полазны), но и проник на Северный Урал — на Печору (стоянка Бызовая и Медвежья пещера). Вполне вероятно, что в будущем палеолитические памятники обнаружатся и в других районах Верхнего Прикамья.

Самыми ранними из известных сейчас памятников на территории, где впоследствии сформировались родановские племена, являются памятники мезолита и неолита.

Стоянки позднего неолита и эпохи бронзы (3—2 тысячелетия до нашей эры) и отдельные находки вещей известны на территории Коми-Пермяцкого округа и в Афанасьевском (бывшем Зюздинском) районе Кировской области, где также обнаружены памятники родановской культуры и сейчас живет группа зюздинских коми-пермяков. Это — стоянки Базов Бор в устье р. Иньвы, Каневская на р. Вельве, а также

несколько местонахождений каменных, медных и костяных орудий. Большинство из них (14) обнаружены в бассейне р. Иньвы и на ее притоках (особенно по р. Вельве) — у деревень и сел Петухово, Новоселово, Шляпино, Шадрино, Плотниково, Отево, Мечкор, Верх-Иньва, Якино, Харино, Юлданово, Бажино, Верх-Юсьва и в верховьях р. Вижайки¹. Известны находки каменных орудий и в бассейне р. Обвы (у сел Нерда, Карагай, Рождественское) и в верховьях Камы (у сел Гординское, Сергино, д. Щукино). В последние годы В. П. Денисовым обнаружены 4 стоянки позднего неолита и эпохи бронзы около с. Косы, Ю. А. Поляковым и автором — 4 стоянки в Гайнском районе.

Таким образом, все основные районы распространения памятников родановской культуры были заселены не позже чем в эпоху неолита и бронзы.

Памятники раннего железного века в этих районах изучены пока очень слабо. Однако и здесь есть отдельные селища ананьинской культуры (VIII—III вв. до н. э.).

Памятники гляденовской культуры (II в. до н. э. — II в. н. э.) пока неизвестны, однако находки в последнее время отдельных вещей гляденовской культуры даже в бассейне р. Вычегды, в раскопках Г. М. Бурова (Озъяг 2, Ягкоджа 2, Ягкоджа 1, Озъяг 3)² позволяют надеяться на обнаружение их и на территории Коми-Пермяцкого округа.

Во время ломоватовской культуры (III—VIII вв.) район Верхнего Прикамья был уже довольно густо заселен. Сейчас известно более ста памятников, группирующихся в бассейнах рек Иньвы и Обвы, в Чердынском и Гайнском районах по Каме и Вишере и в Афанасьевском районе, то есть в тех же самых местах, где известны памятники неолита и бронзы и где позднее сосредотачиваются группы памятников родановской культуры. Все это позволяет говорить, что основные районы заселения и группировка в них населения в Верхнем Прикамье складываются очень давно, задолго до сложения родановской культуры, и эта группировка сохранилась и в период IX—XV вв.

¹ И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте Прикамья, МИА, № 27, 1952, стр. 143—149. Коллекции Кудымкарского окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка.

² Г. М. Буров. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края. Вопросы археологии Урала, вып. I, Свердловск, 1961, стр. 107.

В работах О. Н. Бадера убедительно доказана генетическая преемственность между верхнекамскими памятниками эпохи неолита и бронзы и ананьинской культуры¹. Генетическая связь между памятниками ананьинской культуры и последующей за ней гляденовской культуры доказана в работах А. В. Збруевой, Н. А. Прокошева и других исследователей. В работах А. В. Шмидта, В. Ф. Генинга, В. А. Оборина поставлен вопрос об этнической принадлежности гляденовской культуры местными племенами коми².

При сопоставлении археологических и лингвистических данных языковеды и археологи приходят к выводу о сложении финно-угорской языковой общности в эпоху неолита и об обособлении общепермского языка-основы, являющегося общим для предков удмуртов и коми, к времени ананьинской культуры³. Языковое обособление общекоми языка и языка удмуртов относят к послеананьинскому времени. Распространение памятников гляденовской культуры в бассейне р. Вычегды говорит о наличии некоторой общности в материальной культуре этой территории с Верхним Прикамьем. Очевидно, гляденовские племена, связанные по своему происхождению с Прикамьем, проникали в бассейн р. Вычегды.

С памятниками гляденовской культуры, вероятнее всего, и можно связывать необособившиеся еще в языковом отношении племена, говорившие на общекоми языке.

До начала ломоватовской культуры (III—IV вв.) прослеживается четкая преемственность в группировке археологических памятников по районам и в основных чертах хозяйства и материальной культуры, говорящая, очевидно, об автохтонном развитии местных племен.

Последние работы Камской археологической экспедиции принесли новые данные о проникновении в III—IV вв. в Верхнее Прикамье южных скотоводческих племен (усиление роли скотоводства, новый тип

¹ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья, Пермь, 1958.

² А. В. Шмидт. Жертвенные места Камско-Уральского края. Труды Государственной академии материальной культуры, т. 13, вып. 1—2, 1932; В. Ф. Генинг и В. А. Оборин. К вопросу о гляденовской культуре. Учен. записки Пермского государственного университета (ПГУ), т. 12, вып. 1, 1960.

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; В. И. Лыткин. Из истории словарного состава пермских языков. Ж. «Вопросы языкоизнания», № 5, 1953, стр. 51, 58.

жилиц, новый тип формы и орнамента глиняной посуды, новый набор украшений костюма). Ближайшие аналогии в погребальном обряде пришельцев обнаруживаются в Южном Зауралье там, где часть исследователей помещает древнеугорские племена¹. Толчком для такого передвижения послужило, очевидно, движение гуннских орд, отбросивших к северу жившие в южноуральских степях угорские племена. Значительная часть их осела на территории северной Башкирии, оставив там памятники баумутинской культуры.

Очевидно, что к тому времени мы и можем отнести появление в Верхнем Прикамье части угорской топонимики (географических названий). Пришельцы вытеснили местное гляденовское население из Среднего Прикамья, оттеснив его к северу, и заняли районы Средней Камы и бассейн р. Сылвы. В районах севернее Обвы они смешались с местным населением и были ассимилированы. На позднем этапе ломоватовской культуры (VI—VIII вв.) в северных районах Прикамья прослеживается постепенное исчезновение курганного обряда захоронения и наблюдается переход к грунтовым могильникам; снова возрастает роль земледелия, бывшего основой хозяйства у гляденовских племен; сохраняются гляденовские формы и орнамент глиняной посуды; развиваются гляденовские традиции в украшениях и культовых изображениях; сохраняется обряд трупосожжения, характерный для гляденовской культуры. Влияние пришельцев чувствуется в усилении роли скотоводства (особенно коневодства), в появлении новых сюжетов культовых изображений и украшений, своеобразно переработанных в местной среде. В районах южнее Обвы этот процесс смешения происходит в обратном порядке. Усваивая многие местные традиции, там преобладающей оказывается культура пришлых угорских племен. Таким образом, археологический материал позволяет говорить о вхождении в состав автохтонного гляденовского населения (пракоми) пришлых угорских племен, ассимилированных затем местными племенами. Этим можно объяснить наличие в этот период некоторых сходных черт в материальной культуре памятников Верхнего Прикамья и южных районов Урала. Влияние материальной культуры пришельцев больше всего сказалось, очевидно, в бассейне р. Иньвы. Об этом косвенно говорят и данные язы-

¹ В. Ф. Генинг. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, вып. 2, 1959, стр. 184—191.

ка. Иньвенский диалект коми-пермяцкого языка более обособлен, чем другие диалекты¹.

Иньвенские коми-пермяки выделяются среди других коми и своим антропологическим типом, как темноволосые европеоиды восточно-средиземноморского типа², в то время как большая часть коми-пермяков относится к сублапаноидному—уральскому типу. По мнению Н. Н. Чебоксарова восточно-средиземноморские элементы у иньвенских коми-пермяков говорят о вхождении в их состав южных степных типов³. Исследования коми-пермяков по группам крови показывают также известные черты сходства у коми-пермяков Кудымкарского и Гайнского районов с угорским населением Среднего Прикамья и Сибири⁴. Основная часть древнеуральской топонимики в Верхнем Прикамье по данным А. К. Матвеева сосредотачивается в южных районах и на левом берегу Камы и ее притоков, то есть там, где вышел победителем язык пришельцев. Угорская топонимика не является здесь местной. Древнейшей топонимикой в Верхнем Прикамье, по его мнению, является древнепермская топонимика, восходящая еще к аланьинской культуре.

В могильниках ломоватовской культуры III—V вв. (митинские курганы) на территории Коми-Пермяцкого округа появляется обычай кольцевой деформации черепа, характерный ранее для более южных районов. Черепа из Демёнковского могильника на р. Обве имеют некоторые черты сходства с черепами Усть-Тартасского могильника Западной Сибири, который М. П. Грязнов считает принадлежащим предкам угрев. Однако, в целом, исследуя черепа из могильников ломоватовской культуры, М. С. Акимова приходит к выводу о том, что в основе населения Прикамья сохранился древний местный элемент, ведущий происхождение с конца эпохи бронзы⁵.

¹ В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, ч. I, М., 1955, стр. 26—38; А. С. Кривоцекова-Гантман. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Учен. записки Пермского гос. пед. института, вып. 17, 1958.

² М. А. Гремяцкий. Антропологический тип иньвенских коми-пермяков. Учен. записки МГУ, вып. 63, 1941.

³ Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми в свете антропологических данных КС ИИМК, 9, 1941, стр. 54—58.

⁴ Б. Н. Вишневский. Стады угрев на Западном Урале. Учен. записки ПГУ, т. 12, вып. 1, 1960, стр. 268—269.

⁵ М. С. Акимова. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья. Вопросы археологии Урала, вып. I, 1961, стр. 121—125.

Все данные эти подтверждают сведения археологических источников об участии в этногенезе коми-пермяков пришлых южных элементов (вероятнее всего, угорских), ассимилированных местными племенами.

Одним из важнейших доказательств автохтонного происхождения коми-пермяков является установление преемственности между ломоватовской и родановской культурами. А. В. Шмидт отрицал эту преемственность. М. В. Талицкий показал ее в форме и орнаменте глиняной посуды, в металлических культовых изображениях, в изменении формы подвесок в виде «утиных лапок», в сохранении некоторых украшений и деталей костюма (пронизки, колесовидные бляхи).

В настоящее время мы можем значительно расширить круг доказательств, приведенных М. В. Талицким. (См.: В. А. Оборин. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родановская культура), автореферат диссертации, М., 1957, стр. 7—8—Ред.)

Преемственность между ломоватовской и родановской культурами прослеживается в переходе на некоторых поселениях культурного слоя ломоватовского времени в родановский без всякого перерыва (Лаврятское городище на р. Вильде, Купрасское городище на р. Иньве и др.). Еще лучше эта преемственность прослеживается по могильникам, в которых хранят умерших на всем протяжении ломоватовской и в начале родановской культур (Демёнковский могильник на р. Обве, Пыштайнский могильник около пос. Гайны) или в конце ломоватовской и начале родановской культур (Баяновский, Редикорский, Урьянинский могильники), или с конца ломоватовской и почти до конца родановской культур (Рождественский, Елевский, Михалевский могильники). Резких изменений в обряде погребения не происходит, что также говорит об однородности населения, оставившего эти могильники. Обряд трупосожжения, появившийся в гляденовской культуре на костищах, сохраняется в ломоватовской культуре (Бурковский и Урьянинский могильники) и встречается иногда единично и в позднеродановских могильниках (Чикманский на р. Обве). В ломоватовской культуре в связи с усилением роли скотоводства часто встречаются в погребениях и жертвенных комплексах на могильниках кости домашних животных, особенно лошади. В раннеродановских могильниках мы также встречаем остатки этих жертвенных комплексов в виде скопления зубов лошади между могил (Баяновский могильник) или в виде жертвенных ям с костями животных